

УДК 82-1: 801.73

*Пятачков Ю.С.***ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ «ЧИСТОЙ ПОЭЗИИ» И ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕДИТАЦИИ В ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА И Э.Э. ДИКИНСОН***ГУО «Средняя школа № 6 города Минска», Минск**Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск*

Эстетика поэтов медитативного свойства весьма витиевата и полна некоторых хитросплетений. В них пытаются разобраться многие, дабы постигнуть корень эстетического начала, истоки, которые берут они в поэзии отдельно взятого поэта-медитативиста, какими являются Ф.И. Тютчев (1803 – 1873) и Э.Э. Дикинсон (1830 – 1886). Что-то получается, а чаще не получается. И в этом уникальность данной работы, предполагающая прочтение изучаемых авторов в контексте эстетических работ разнообразного свойства. Цель в этой связи состоит в том, чтобы увидеть, насколько универсальны, проникновенны, дальновидны были те, из творчества кого, как из огромного животворного источника, вылились целые лирические струи в дальнейшие эпохи.

Мы помним о том, что Ф.И. Тютчев и Э.Э. Дикинсон – эти своего рода литературно-поэтические брат и сестра от единого истока поэтической медитации – нашли друг друга в немецкой классической идеалистической философии. Причём через посредничество проводников философии трансцендентального идеализма или же через её интерпретаторов. В случае с Тютчевым – это непосредственные живые источники и порой даже больше – общение с провозвестниками названной (Ф.В.Й. фон Шеллинг, Г. Гейне, Ф.В. Тирш, В. Ганка и др.). У Эмили Дикинсон – это именно посреднические литературно-художественные откровения, прочтения и видения. Это Р.У. Эмерсон, Г.Д. Торо и их английские продолжатели. А также те, о которых, считается, она не могла знать, однако так близка к поэтам-метафизикам – Джону Донну, Джорджу Герберту, Кристоферу Смарту, Уильяму Блейку и др. в зеркале собственно пуританского мировоззрения, насыщенного библейской символикой («Новоанглийский Ханаан» Томаса Мортнона, пуританская лирика Анны Брэдстрит). Это было данью моде на обязательное религиозное пуританское воспитание и образование юной барышни. Не более того. Вот этот палимпсестный текст, создаваемый впоследствии ею, великой «амхерстской отшельницей», в контексте тютчевски-ламартиновских медитаций, во многом написанных преимущественно попервоначально в духе традиций великого французского современника, конкретизирует, дополняет и вносит существенную ясность в определённую ими единую эстетическую концепцию, чистую от каких-либо социально-политических наслоений (традиции эстетики так называемой «чистой поэзии»). Как оказывается, только на первый взгляд. Об этом необходимо как раз сказать отдельно.

И Ф.И. Тютчев в одиночку, и поэты Парнасской школы (Шарль Леконт де Лиль (1818 – 1894), Сюлли-Прюдом (1839 – 1907), Теофиль Готье (1811 – 1872),

Марселина Деборд-Вальмор (1786 – 1859), Жозе-Мариа де Эредиа (1842 – 1905), Франсуа Коппе (1842 – 1908), Тристан Корбьер (1845 – 1875), *Теодор де Банвиль* (1823 – 1891) и др.) литературным гуртом явились каждый в своей литературе необходимым промежуточным явлением. В то же время они – своего рода целостное звено в переходе от романтизма (с его «Большим (Новым) Сенаклем» («Молодая Франция» - *Петрюс Борель*, *Теофиль Готье*) во главе с Шарлем Нодье) к неоромантизму, импрессионизму и символизму, как в русской, так и в европейской литературе. Для великого русского поэта мысли совершенством выступили *вселенский мир* и *созерцаемый мир*, для поэтов-парнасцев ко всему прочему, помимо очевидного пристрастия к мифологии, истории и философии, единым всем являлось искусство. Ибо только искусство – совершенный образец идеального и гармоничного целого. Вся мифологическая, символическая и философская подоплёка оригинальных поэтических концепций становится очевидной в адекватном прочтении тютчевских и парнасских откровений, носящих, по нашему мнению, несказанный медитативный характер.

Как мы видим, присущие поэтике Тютчева параллелизмы между миром, какой он есть, и душевными глубинами человека, у парнасцев перетекают в параллелизмы того чистого искусства, певцами которого они выступали словно вынужденно. Открыть, прояснить, удивить и поразить нас, читателей, стремятся они, делая это потрясающими экскурсами в необозримые дали в мире Прекрасного.

Напомним, Эмили Дикинсон признавалась в письме своему литературному наставнику Т.Э. Хиггинсону от 25 апреля 1862 года: «...Из поэтов у меня есть *Китс*, *г-н* и *г-жа Браунинги*. Из прозы – *Рёскин*, *сэр Томас Браун* и *Откровение*. Я ходила в школу, но образования – пользуясь Вашим выражением – не получила. Когда я была девочкой, у меня был друг, который учил меня Бессмертию, но, отважившись подойти слишком близко, он больше никогда не вернулся оттуда. Вскоре мой Учитель умер – и в течение нескольких лет мой Словарь был единственным моим собеседником. Затем я нашла ещё одного учителя, но он не захотел, чтобы я была его ученицей – поэтому он покинул землю...» [1, с. 126 – 127]. Потому в одном из программных в этом отношении «Писем Миру» она провозгласит: «Я умерла за Красоту – / И сразу вслед за мной / Тот – кто за правду отдал жизнь / – В соседний лёг покой...» [1, с. 99, пер. А.Л. Величанского]. Правда оказывается сродни Красоте и наоборот. Ради неё можно отдать всё, ничего не пожалев. Ведь её загадка сродни для Дикинсон постижению загадки чертогов Бога, разворачивающейся как никакая иная в Ночи (здесь обыкновенно вспоминают поэтическую формулу Джона Китса (1795 – 1822) о том, что «Красота есть Правда, Правда есть Красота»). В тождественном указанному, дикинсоновскому, откровению находим другое, тютчевское, развивающее ведущую для обоих поэтов тему, транслируемую через ряд мотивных систем: тему Красоты как мгновенного увядания. Читаем в стихотворной медитации «*Mal'aria*», 1830 (= с итальянского «заражённый воздух») следующее: «Люблю

сей Божий гнев! Люблю сие, незримо / Во всё разлитое, таинственное Зло – / В цветах, в источнике прозрачном, как стекло, / И в радужных лучах, и в самом небе Рима. / Всё та ж высокая, безоблачная твердь, / Всё так же грудь твоя легко и сладко дышит, / Всё тот же тёплый ветер верхи деревьев колышет, / Всё тот же запах роз, и это всё есть / Смерть!.. / Как ведать, может быть, и есть в природе звуки, / Благоухания, цвета и голоса, / Предвестники для нас последнего часа / И усладители последней нашей муки...» [2, с. 67]. Интересно отметить, что Тютчев говорил преимущественно о лично пережитом, о Смерти, не раз его настигавшей. Здесь Смерть представляется неминуемой так же, как всё очарование и вся прелесть живого родника Красоты в Риме, как её показала бесподобная Жермена де Сталь (1766 – 1817) в своей манифестной книге «Коринна, или Италия» (*Stael G. de Corinne ou l'Italie*, 1807). Во французском же стихотворении Тютчев разовьёт эту мысль и скажет, что «...Цветы живут и шепчут: «Посмотри-ка, / Красивы мы, и ярост наш наряд...» / Сверкает роза, искрится гвоздика, / И вновь от них струится аромат... / В душе у нас воспоминанья вянут, / Приходит смерть – и вновь они цветут» [3, с. 292, «Мечта», перевод М.П. Кудинова].

Так, Дикинсон, отметим, говорит о Смерти как Сне и Сне как Смерти именно как категориях сущего и бытия, т.е. как неотъемлемых частях жизни человека, после которой он всё равно продолжает жить. Вот почему она продолжает эту мысль так: «Чтоб в Масло превратить / Благоуханье Роз – / Потребно Пресс крутить – / Без Жалости – до Слёз – / Зато – и Жизнь спустя – / Щемящий Аромат / Вернёт нам Лето – что цвело – / Быть может – век назад» [1, с. 132, пер. Г.М. Кружкова].

Безусловно, поскольку столь глубок контекст, в который вписаны поэтические произведения указанных авторов, столь же и универсальны мировидение, кругозор и широта впечатлений, которыми насыщены поэтические шедевры наших поэтов. Здесь сходятся в одном фокусе и научная поэзия, и философские стихи, порою переходящие от поэтической медитации в религиозную, в молитву. Мы на это уже указывали. А также здесь попытки визионерского взгляда на ход происходящих в мире событий: в природе, во вселенной, в душе человеческой, в столкновении противоборствующих начал, организующих изначально человеческое и мировое бытие. Они порою оказываются тождественными, а чаще всего резко противопоставляются, диссонируют друг с другом, продолжая поединок роковой.

Вот это умение не ограничиваться кругом решаемых вопросов, однако требует выхода за пределы сознания, где сталкиваются области, как раз открытые немецкой классической философией и развитые их гениальными последователями. Это этика, гносеология и эстетика (Кант), разрабатываемые на поэтическом уровне понимания тех вопросов, которые требуют нового решения в пику общественных запросов (платоновская триада Истина – Добро – Красота). И они оказываются свершены, понятны и требуют непосредственного изъяснения в стихе. Эту особенность соприкосновения многочисленных точек в одном шедевре постигнуть можно только одним –

прочтением поэтического творчества Тютчева и Дикинсон через зеркало ряда философских, поэтических, художественнических, общественных и прочих традиций, без которых немислима поэтическая тропа, воздетая ими.

Так вот себя Эмили Дикинсон в одном из знаменитых писем к Т.У. Хиггинсону называет «всего лишь Кенгуру в чертогах Красоты», а то и более того «Посланицей Стиха» и «Ученицей Хиггинсона», совершенно не из скромности признавая необходимость достижения этого желанного Совершенства. Она писала: «...Жизнь моя слишком проста и сурова, чтобы стеснять кого-либо» [1, с. 182]. И в то же время: «...нужно постоянно пребывать в полёте». Действительно, жизнь Эмили Дикинсон – это небесная жизнь, отданная во славу мысли о красоте и красоте мысли, а также тому, отчего они легко уязвимы и столь мимолётны, что не ухватиться, не рассмотреть – некогда. Немногие из современников даже могли рассказать более того, что она сама считала необходимостью отдать бумаге в виде своей неповторимой полётной прозы. Она везде непрестанно учится, понимая, как же ещё далеко от этого Идеального Совершенства. Только такая неординарная личность поэтического понимания бытия могла увидеть в Пауке нечто большее – «Художника Красоты». А Идеалом для жизни признать паучью Паутину, насыщенную хитросплетениями тайн, догадок и домыслов, однако ж остающихся без ответа: «Паук – Художник Красоты – / Не очень знаменит – / Хотя его Таланты / Всегда вам подтвердит / Любая честная Метла...» [1, с. 238].

Итак, великое умение познания жизни через красоту нашего вещного бытия, которое мгновенно: оно есть, и больше его нет, открывают для нас поэты особого рода. Оценить необходимо мгновение – всё в нём. Мгновение и есть ускользающая от нас, такая неуловимая Красота («Восторг исчезновения – / Блистающий маршрут – / О вспышка изумления...», «Колибри», с. 340). Оно в слове, в музыкальном аккорде контрапунктически улавливает всё прекрасное, великолепное, невообразимое «Бесплавниковому Разуму» (по выражению Дикинсон) человека, тем более его рассудку. Это воплотили практически и Тютчев в медитации, и французские поэты парнасской школы, воспринявшие идеалистическую идею эклектика и спиритуалиста Виктора Кузена (1792 – 1867) «искусства для искусства» («*Du vrai, du beau et du bien*», 1858), в поэтических этюдах, и Э.Э. Дикинсон в своих «Посланиях Миру». Время небывалого поэтического громогласия, где, как в увеличительном стекле, преломлялось всё, что решалось теоретически, и требовало немедленного выхода и понимания практически, дало, даёт и продолжает давать свои чудотворные всходы. «...и всё же «бесконечная красота», о которой Вы говорите, слишком близка к нам, чтобы искать её...», «...нужно постоянно пребывать в полёте...».

Литература

1. Дикинсон, Э. Письмо Миру: [пер. с англ.] / Эмили Дикинсон. М.: Эксмо, 2013. – 384 с.
2. Тютчев, Ф.И. Лирика. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.

3. Тютчев, Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.

Piatachkov Y.S.

**AESTHETIC INTENSION OF «PURE POETRY» AND POETIC MEDITATION LYRICS
F.I. TYUTCHEV AND E.E. DICKINSON**

*State educational establishment «School number 6 of Minsk», Minsk
Byelorussian State Pedagogical University named after Maksim Tank, Minsk*

Summary

The article reveals the conceptual originality aesthetic intentions of "pure poetry" and a poetic meditation in the lyrics F.I. Tyutchev and E.E. Dickinson's poetry in the context of the Parnassian school.

The author on the basis of poetic solutions studied poetic personalities identifies innovative approaches in addressing specific aesthetic objectives put forward by the proponents of the "pure art" and originally embodied in the aesthetics of poetry program of both poets. Also before the thematic dialogue of the great poet of thought and Amherst Parnass with Enigma. Showing unity and vowel harmony elaborated their aesthetic and philosophical programs.